

Театр

ВРЕМЯ от времени перекрестье лучей на затемненной сцене высвечивает четыре фигуры — две из наших дней, две из далекого уже мая 1945 года.

Сегодняшние: солидный, чуть огрудевший мужчина с заметной сединой в волосах, усталыми глазами и словно обращенным внутрь самого себя задумчивым взглядом, с неторопливыми движениями, с размеренной и негромкой речью — это советский писатель Вадим Никитин; красивая молодая женщина, одетая с той сдержанной, неброской элегантностью, которая определяется не только хорошим вкусом, но и материальным

ди-и-им! Ми-и-лий! Я люблю тебя! Не за-а-бы-вай!» — та же Эмма Герберт...

Московский театр имени Гоголя играет роман для театра лауреата Ленинской премии и Государственных премий СССР и РСФСР Юрия Бондарева «Берег» (инсценировка М. Роговского, постановка Б. Голубовского). И, пожалуй, именно эти моменты спектакля, смело соединяющие, условно преодолевая время, прошлое и настоящее его героев — таких, какими они были тогда, в 45-м, и нынешних, смотрящих на себя со стороны, из более чем тридцатилетней дали не просто прошедших лет, но обретенного опыта и не легких жизненных постиже-

сией-поединком советского писателя с его идеологическим оппонентом, западногерманским литературным критиком Фридрихом Дитцманом (Е. Красницкий), тоже участником войны. Потому-то так отзываются в зале — то радостно, то больно, то гневно и непременно размышлениями, сопоставлениями, нравственными выводами — оживающие на сцене воспоминания Никитина обо всем, что было с ним, двадцатилетним командиром огневого взвода, в мае 45-го под Берлином.

Театр ничего не приглаживает, не снимает остроты ни с сегодняшних переживаний, споров, углубленных раздумий Никитина наедине с собой; ни со сложных и в кульминации

деяния, мечты, любви, счастья, надежды, больших, высоких интересов. Это не всегда легко и просто понять, не всегда и не сразу разглядишь этот берег в кипении и череде быстро текущих забот. Но когда увидишь его и поймешь, что он твой, единственный, — всеми силами стремишься, плывешь к нему, отменяя интересы малые и недостаточные, преодолевая препятствия, а порой и себя самого в этом неостановимом движении, которое и есть жизнь человеческая. Жизнь нравственная.

Максимально приблизиться к той емкости и свободной полифонии, которыми обладает понятие берега в романе Юрия Бондарева, — такую задачу по-

ство в рамках бытового конкретности, такое декорационное решение дает постановщику свободу в условном перемещении героев во времени и пространстве, в соприкосновении и взаимодействии их прошлого и настоящего.

Наверное, у каждого, кто читал «Берег», существуют в сознании свой Вадим Никитин, своя Эмма, свой Князько и т. д. И тут, конечно же, возможно несоответствие читательских представлений о героях романа с их сценическими образами. В этом смысле у спектакля, который еще только начинает жизнь, есть неограниченные перспективы роста и развития соответственно книге. Прежде всего в движении образов: сегодняшних Никитина и Эммы Герберт — к еще большей эмоциональной насыщенности; Князько — к еще большей душевной напряженности, к более, что ли, звон-

Лейтенант Никитин — А. СКВОРЦОВ, Эмма — О. НАУМЕНКО.

достатком, внешне безукоризненно сдержанная, спокойная, уверенная в себе, а вместе с тем внутренне выжидательно-настороженная, тревожная, напуганная как струна, — это владелица гамбургских книжных магазинов фрау Эмма Герберт. Вчерашние, из той незабываемой победной весны: юный, совсем мальчик, лейтенант Советской Армии Никитин, живой, ясноглазый, немного восторженный, переполненный близостью грядущего конца войны и еще не услышавший, не сумевший как следует разобрататься во всем том счастьем и горестно одновременно, что произошло с ним в эти хмельные майские дни в берлинском пригороде Кёнигсдорфе; и еще более юная золотоволосая веснушчатая девочка-немка, отринувшая свои недавние страхи и отчаяние и иступленно простировавшая руки к уходящему любимому, единственному с тоскливым, из сердца рвущимся криком: «Ва-

ний, — именно эти моменты спектакля, как яркие вспышки, наиболее впечатляюще высвечивают его идейную, философскую суть, многомерную и сложную, как сама жизнь.

В обширной критической литературе о романе Юрия Бондарева порой встречается разделение на два плана. Причем к первому плану относят его современные страницы, а к второму — картины военной поры. Формально, наверное, это правильно. Но вот к «Берегу» обратился театр и дал ему новую жизнь — пластическую, в системе своей особой — сценической — образности. И применительно к роману для театра стало как-то особенно ясно, что, видимо, неправомерно ставить водораздел между его так называемыми первым и вторым планами и задаваться вопросом: кто его главные герои — те Вадим и Эмма, что так неожиданно и внезапно, так безумно и ценомлюбили друг друга, или эти, сегодняшние Никитин и фрау Герберт, что возлюбленно всматриваются друг в друга с естественной отчужденностью и печалью?

Все здесь главное, и все здесь главное. Каждый несет свою судьбу, свою правду — человеческую, социальную, нравственную. И так же, как писатель, вслед за ним театр правильно исследует души героев, чтобы еще и еще раз сделать новый шаг на пути к истине, к нравственному совершенству, к познанию человека в данном случае средствами искусства. Это предлагается и нам, зрителям. Потому-то и царит в зале такая дорогая на театре тишина. Потому-то и вслушивается зал с таким напряженным вниманием в диалог сегодняшнего Никитина (Л. Кулагин) со своим коллегой Платоном Самсоном (В. Кучеровский), в острую при всей ее респектабельности, философски насыщенную дискус-

Лейтенант Князько — Е. МЕНЬШОВ, старший лейтенант Гранатуров — В. КРАСНОВ.

своей драматичных взаимоотношений молодого Вадима (А. Скворцова), лейтенанта Князько (Е. Меньшов) и старшего лейтенанта медицинской службы Гали Аксеновой (Л. Гаврилова) с одной стороны и с другой — сержанта Меженкина (В. Афанасьев) и старшего лейтенанта Гранатурова (В. Краснов); ни с сердечных бурь — открыты и порывистых у юной Эммы (О. Науменко) и запрятанных глубоко внутри, остуженных годами, скованных волею и холодным рассудком у фрау Герберт (С. Брагарики). И в диалектической сложности, противоречиях всех этих переживаний, споров, отношений, в неразьединимой внутренней связи всех этих сменяющихся друг друга, перемежающихся, накладывающихся один на другой эпизодов — во всем этом и возникает, растет, ширится и углубляется мысль о береге как понятии философском.

У каждого есть, должен быть свой берег — берег жизни,

ставил перед собой театр. И во многом успешно решает эту задачу в своем спектакле. Ему не случайно дано жанровое определение романа для театра. Это подчеркивает не только широту охвата жизненных, временных явлений, но и своеобразие подхода художников сцены к образному воплощению страниц романа Юрия Бондарева на театральных подмостках.

У Театра имени Гоголя уже есть опыт перенесения бондаревской прозы на сцену. Он в этом деле, можно сказать, первопроходец. Борис Голубовский первым поставил «Горячий снег». Впервые и «Берег» увидел свет рампы в его постановке. Главное в ней — стремление как можно глубже проникнуть в течение писательской мысли, в которой сплалены воедино философичность и лиризм, образная достоверность и открытая публицистичность обобщений. В передаче этой мысли здесь, как и в «Горячем снеге», очень помогает непосредственно литературный первоисточник, составляющий чрезвычайно важную и существенную часть спектакля. Инсценировщик и постановщик смело вводят в его художественную ткань авторские отступления, либо вложенные в уста писателя Вадиму Никитину как его внутренние монологи, либо звучащие по ходу действия как собственно авторский комментарий. И это придает спектаклю именно «романную» окраску, сообщая ему дыхание глубокое,вольное, значительное.

В этом плане точно и выразительно при всем своем лаконизме, палидрарной условности и сценографии художника Энара Стенберга. Ее ведущий мотив — строгие черные полотноща кулис, уходящие куда-то ввысь, в золотистое мерцание, как бы в бескрайние просторы Вселенной, создающие ощущение беспредельных высот человеческого духа. Не замыкая сценическое пространство,

Эмма Герберт — С. БРАГАРИК, писатель Вадим Никитин — Л. КУЛАГИН.

Фото Ю. ЗЕНКОВИЧА

кому, нравственному максимализму; Меженкину и Гранатурову — к большей неоднозначности характеров и побуждений; Дитцману — к большей значимости, серьезности того идеологического противостояния Никитину, которое и вызывает в романе столь интенсивный поток размышлений последнего о жизни и смерти, о войне и мире, об отношениях личности и общества, о счастье человека...

Словом, дальнейшее освоение материала бондаревского романа — и не только Театром имени Гоголя, но и на других сценах — будет открывать в нем все новые и новые глубины характеров и «плодотворные гения», сложные ассоциации писательской мысли, все новые и новые пласты человеческих взаимосвязей и философского осмысления бытия... Ведь он поистине безбрежен, хоть и называется «Берег», этот роман. Жизнь.

Н. АЕКИН